
Никита Королёв

ВАНЕЧКА

ОНИ РОСЛИ НА КЛАДБИЩЕ

16+

Никита Королёв

Ванечка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62056191
SelfPub; 2021*

Аннотация

Она росла на кладбище. Отец был с ней очень строг, особенно по ночам, и она убегала в маленький гранитный город, где чувствовала себя настоящей великаншей. У неё там был друг, Ванечка. Вместе они ели конфетки с надгробий и любовались луной. С Ванечкой никто не играл, а зря – он очень добрый и храбрый мальчик. Однажды он дал ей слово, что никому её в обиду не даст.

Никита Королёв

Ванечка

– Кто там?

– Уборка!

Женщина, проживающая в номере 217, открыла дверь. За ней – горничная. Маленькая, расширяющаяся к середине туловища, она напоминала юлу. Заплывшее лицо, утонувшие в нем глаза, волосы, похожие на мочалку, долго пролежавшую в марганцовке, целлюлитные руки и стягивающая всю эту норвящую растечься композицию бирюзовая униформа.

– Уборка не нужна, спасибо – разве что мусор вынести, – женщина удалилась на момент в номер, после чего вернулась с голубым полиэтиленовым мешком.

– Еще что?

– И туалетной бумаги, пожалуйста.

Горничная подошла к своей тележке, достала один рулон и протянула женщине из номера.

– Вы завтра во сколько съезжаете? – спросила она.

– В четыре часа. А можно будет чуть позже номер освободить?

– Нельзя, завтра семинар, – резко ответила уборщица. – Смотрите, как бы вас еще раньше не выселили.

Лицо женщины из номера 217 перекосило от возмущения.

ния. Хамоватый персонал для подмосковных санаториев – конечно, скорее правило, чем исключение, но чем это, интересно, она заслужила такое обращение? Тем не менее, пытаюсь сохранять спокойствие, она спросила:

– А можно еще один рулон?

– Бумага кончилась, – отрезала, разворачиваясь к тележке, горничная.

– Ну, может быть, у вас в подсобке есть еще? – уже с заметным раздражением сказала женщина.

– В день на номер положен один рулон, а у вас их и так было завались при въезде, – указательным пальцем, который, как и все остальные, походил на большой, она провела невидимую черту над головой, свободной рукой подперев бок.

– Вам жалко не своей туалетной бумаги?

– Женщина, угомонитесь, не дам я вам бумагу – не положено.

– Мне кажется, вы переходите черту, – уже с трудом говорила женщина из номера. – Назовите вашу фамилию.

Горничная что-то невнятно проворчала и поспешно покатила свою тележку к следующему номеру.

Через несколько минут в номер 217 снова постучали. Женщина, раздраженная тем, что ее в очередной раз сбивают с мысли, не отрываясь от планшета, резким движением распахнула дверь. Показавшаяся за ней горничная, оторопев, еще мгновение стояла неподвижно, после чего пришла в движение, которое, видимо, готовила заранее.

– Вот ваша бумага! – она взмахнула двумя рулонами, лежащими в разных руках, ударив ими друг об друга прямо перед лицом постоялицы. Чисто механически та приняла их на планшет, как на поднос, но, опомнившись, вышвырнула в коридор и, не дожидаясь конца их полета, закрыла дверь.

Вечером горничная шла по коридору на втором этаже, чтобы спуститься по лестнице, выйти из корпуса и сесть на автобус, развозящий по домам весь персонал. За последним поворотом перед лестницей на нее накинута женщина из номера 217, схватила за грудки и подтащила к себе.

– Пожалуйста, верните то, что взяли, – в ее голосе была только мольба.

Горничная нервно, как хомячок, поднятый за шкурку, мотала головой в поисках свидетелей.

– О чем вы?.. Отпустите!.. Я ничего не брала!..

– Планшет... мне он очень нужен... верните... – женщина из номера словно бы захлебывалась собственными словами.

– Милочка, – чмокнула горничная, увидев поднимающегося по лестнице охранника, – я у вас ничего не брала, отпустите меня немедленно, – повышала она старческий сварливый голос.

– Нет, нет, нет... – пыталась разуверить саму себя в происходящем. – Вы не понимаете... вы... – она подняла горничную над землей. – ВЫ... – и затрясла ее так же легко, как если бы встряхивала подушку.

– Поставьте женщину! – сказал остановившийся переве-

сти дух после лестницы охранник, пузатый, с картофельным лицом и словно бы вторым на макушке – сморщенным, щетинистым и пегим.

– Ну наконец-то! Витя! – обрадовалась горничная.

Женщина из номера 217 отпустила ее, и она плюхнулась на ноги, согнувшись под собственным весом. Обманутая постоялица медленно, как лунатик, поплелась к охраннику. Ее черные спутанные волосы колыхались из стороны в сторону, обнимая худые плечи, и липли к мокрому от пота лбу; грудь вздымалась резкими рывками.

– Эта... тварь... украла...

– Гражданка, ну не паникуйте вы так, – успокаивал ее охранник, – сейчас разберемся.

Горничная не уехала на вечернем автобусе вместе со всеми. Была проверка. Первым делом сотрудники полиции прошерстили все служебные помещения; в одном из них они устроили горничной самый тщательный обыск. Рыскали по всей территории санатория: столовая, караоке-бар, бассейн, спортзал, вестибюль. Даже маленький деревянный домик со спортивным инвентарем проверили. Поиски продолжались до глубокой ночи, но планшет так и не обнаружили. Когда все уже было проверено по десятому разу, перед горничной извинились и отправили домой, оплатив такси. Уезжая, она на всех фыркала, и даже умудрялась отпускать какие-то угрозы.

Чуть ранее, уже после обеда, она положила планшет под елку на заднем дворе главного корпуса, как новогодний по-

дарок самой себе, и присыпала его землей.

К вечеру следующего дня женщина из номера 217 была найдена мертвой в ванной своем номере – удавилась шлангом от душа. На ее лице были следы борьбы – внутренней: беспросветный ужас, вспучивший стеклянные глаза покойной.

Тело из номера 217 увезли, провели в нем генеральную уборку и о случившемся благополучно забыли. Или просто решили топить произошедшее в безмолвии, пока оно не утонет.

Когда вся шумиха улеглась, горничная украдкой (насколько это позволяли ее габариты) пробралась к елочке, которую все ищейки по какому-то чудесному недоразумению обходили стороной, и достала оттуда свой новогодний подарок. О пропавшем планшете, как и о погибшей, никто из персонала не заговаривал даже с глазу на глаз – за свои места боялись даже те, у кого они буквально были у параша, – так что горничная, нагнувшись к тайнику, просто положила гаджет в свою бордовую махровую сумочку и увезла к себе в квартиру в занюханном трехэтажном бараке где-то на подъездах к Москве.

Планшет долго лежал у нее под дном одного из ящичков, хоть она и знала о его возможной дороговизне. Просто надо было переждать. Как и любой другой обитатель темных и вонючих нор, делая что-то непорядочное, она сначала высовывает свой чуткий подрагивающий носик. И лишь убедив-

шись, что ей ничто не угрожает, она ступает своей маленькой толстой лапкой в этот большой и опасный мир.

Выждав сорок дней (обитатели беспросветных пучин очень суеверны), горничная сделала первый шаг – проверила, работает ли планшет. Она снимала блокировку, и на экране появилось последнее открытое приложение – «Заметки», а в «Заметках» – текст.

«Наш дом стоит прямо на кладбище. Сначала мы жили просто рядом, но потом папа вытащил из земли несколько крестов, перетащил их в сарай и обнес забором освободившийся кусочек кладбища. Мне так рассказывала мама, потому что это было еще до моего рождения. Мой папа – добрый человек, но иногда (в последнее время – все чаще) он возвращается домой каким-то странным. Походка, как будто он долго крутился на одном месте, а теперь пытался идти прямо. И взгляд какой-то мутный, словно его вот-вот стошнит. Порой так и случалось. Придя домой, он брел на кухню и сидел там всю ночь: молча курил или бормотал что-то себе под нос. И время от времени на свое бормотание он мог ответить уже криком. Часто к нему еще приходил друг, и тогда они громко смеялись, а с кухни то и дело доносился стеклянный звон, но это ничего – можно было просто укрыться подушкой и заснуть. Но после того, как друг этот одолжил у нас виллы, больше он к нам не приходил – видать в поле завал. У нас и у самих дел по хозяйству было

невпроворот, но папа все сидел и сидел – думал, видимо, о чем-то. На кухоньке нашей не протолкнуться, и туда никто не шел, пока он там сидел. Но если мама вдруг выходила к нему, случалось нехорошо, очень нехорошо.

Спустя всего минуту она начинала громко кричать, а еще слышались какие-то хлопки и грохот. Мама вбежала к нам с братом в комнату и пряталась за нашими кроватями, а папа рычал, страшно рычал, произнося какие-то нехорошие слова, которые мама нам запрещает говорить, и как-то неуклюже размахивал руками, как будто пытался прибить муху с завязанными глазами. Мне было очень страшно, и я натягивала одеяло повыше, чтобы ничего не видеть. Но входя к нам в комнату, папа постепенно успокаивался, руки махали все слабее, а потом совсем опускались. Он останавливался посреди комнаты, делался каким-то озадаченным и сонным, словно забыл, зачем сюда пришел, и брел обратно на кухню, снова бормоча себе что-то под нос. Но каждый раз расстояние до наших кроватей уменьшалось. И вот однажды он все-таки дошел до мамы, схватил ее за волосы и стал трясти. Она звала на помощь, а он тряс, она кричала, а он тряс, она плакала, а он все тряс. Алешенька, братик мой, был ближе к ним. Он кричал: «Отпусти маму! Отпусти маму!», ревел, корчился и метался по кровати, как зверь в клетке, но не мог слезть, словно мы играли в «Пол – это лава». А я укрывалась под одеялом и очень боялась, что со страху у меня сердце выскочит; я чувствовала его

стуки в своих ногах и молилась, чтобы оно вернулось на место. А вскоре папа и на нас разозлился. Он подходил к кровати Алешеньки, когда тот в слезах елозил по ней, поднимал его за руку и тоже начинал трясти. Папа пинал Алешеньку коленями, держа в воздухе, как мальчишки иногда пинают футбольный мяч, бил свободной рукой, а Алешенька, бедный, весь извивался и уже надрывно визжал. Я не понимала, зачем папочка делает это, зачем тратит так много сил на наше воспитание, что на следующий день просыпает всю работу в поле и встает только к вечеру, весь уставший и вялый. Ведь как мы будем слушаться, если нам стало почти нечего есть?

И вот в очередной раз папа за что-то на нас обиделся, потряс маму, потряс Алешу, а после пошел ко мне. Затаив дыхание, я слушала его шаги, тяжелое дыхание и мамыны с братом всхлипы. Я слушала и молилась, как меня учила мама. Но, кажется, я делала это плохо, потому что мое одеяло резко взлетело вверх и упало на пол. Папа кричал, что я непослушная, что меня давно не били, но говорил он это такими словами, которые мама даже писать запрещает. Я кричала и пыталась вспомнить, что я сделала плохого, а папа тем временем бил меня по ногам. С каждым ударом их будто огнем обжигало, а я все не никак не могла вспомнить. Это была божья кара за мою забывчивость, и это, непременно, прекратится, когда я наконец-то вспомню свой грех. Но на ум ничего не шло, а огонь все усиливался, и я кричала:

«Не могу вспомнить! не могу! не могу!». Я кричала от боли и стыда, поджимая под себя ноги, а папа шлепал меня своими большими, как медвежьи лапы, руками.

А потом я подумала, что Бог несправедлив ко мне, раз не дает даже вспомнить мой грех, чтобы покаяться, и тогда я начала убежать.

Теперь каждый раз, когда с кухни доносились его неуклюжие шаги, я заползала на подоконник, аккуратно вылезала через открытое окно и пряталась на участке за деревьями. Я звала с собой Алешеньку, но из-под одеяла на меня смотрели одни только его испуганные глаза. Папочка до этого, наверное, не замечал пропажи, потому что сегодня я услышала его крик, доносящийся из дома. Он выкрикивал мое имя, но явно не так, как когда он звал меня посмотреть на красивый цветочек в саду. От его голоса у меня все похолодело внутри. Входная дверь с грохотом распахнулась, и я рванула за калитку. Побегу на кладбище, там он меня не найдет.

***

Присела на ограду, чтобы отдышаться. Здесь темно и тихо. Слышу только свое частое дыхание. Откуда-то издали доносятся папины вопли, но я знаю – сюда он точно не придет; он и дедушку с бабушкой здесь не навещает, а они были людьми хорошими, я помню – не то что я. Походит вдоль соседних участков, может, дойдет до околицы, да и вернется домой.

Как же здесь красиво. Надгробья светятся синеватым светом большой Луны, и буквы на них поразительно живые. Здесь будто бы маленький городок. Лабиринт из непохожих друг на друга гранитных башенок и каменных часовенок. И я здесь настоящая великаниша! Но я не боюсь разбудить местных жителей – это вечно спящий городок. Посижу здесь до рассвета. Папа снова устанет нас наказывать, и ему снова захочется отдохнуть до вечера. Но ночью я снова сюда приду.

***

Дорогой дневник, ко мне стал друг приходить, его Ванечкой зовут. Я так рада! Он такой же, как и я – с ним тоже не ребята не играют, и даже, как он говорит, вовсе как будто его не замечают. Мы теперь вместе гуляем по спящему городку. Какие-то добрые люди оставляют на могилах конфетки, словно бы знают, что некоторым детям не спится по ночам. Мы им очень благодарны за это и стараемся не оставлять за собой фантики. Я рассказала ему о том, что мой папа стал вести себя странно, что он часто злится на нас с мамой и братом. Оказалось, у него с отцом приключилась та же напасть. Говорит, его отец тоже очень злился, хоть Ваня и клянется, что не шалил. А иногда, говорит, отец делал с ним странные вещи. Когда я попросила показать какие, Ваня просунул руку под мою ночную рубашку. Я аж подпрыгнула – руки у него холодные, как будто он только из колодца вылез!

Папа на него, видать сильно обиделся. Потому что в одно утро, Ваня рассказывает, его папа просто взял и уехал в компании каких-то людей в одинаковой строгой одежде, не сказав ни слова. Даже вещи свои не забрал. Мама в этот момент сидела на кухне, прикрыв голову руками – очень уж она переживала. А после отъезда папы она тоже стала какой-то странной, только в другом смысле. Каменной какой-то, молчаливой и пугливой: вздрагивает каждый раз, когда Ванечка что-нибудь делает, со своим деревянным коньком играет, еду перестала совсем готовить. Теперь вот он, бедный, по огородам шастает, а ночью здесь конфетками и черным хлебом перебивается. Смотрю вот на его холодное щупленькое тельце, на бледную, как сама Луна, кожу, и даже хочется побежать домой к папочке. Прибежать и заплакать у его ног, признаться во всех моих грехах, потому что все мы грешны, плакать и умолять, умолять и плакать – лишь бы он с нами, грешными, был и не обижался так сильно, как папа Ванечки.

В одну безлунную ночь, когда мы играли, водя пальцами по глубоким буквам на надгробьях и угадывая слова, Ванечка вдруг сказал, что никому меня в обиду не даст. А кто пальцем меня хоть тронет, сильно пожалеет. Он пытался говорить грозно, но голосок у него тоненький, как у меня. Я рассмеялась, а он молчал и только потом тихо, как-то боязливо спросил, буду ли я с ним играть всегда. Я сказала, что буду.

А еще он однажды задрал свою рубашечку и показал три каких-то дырочки на своем животе. Говорит, не помнит, откуда они там взялись. Но они очень забавные. Бывает, наклонюсь перед его бледным животиком, попрошу задрать рубашечку, а сама подчас, смотря в них, люблюсь большой желтой Луной».

Выяснить, почему горничная не выходит на работу и не подходит к телефону, послали только через несколько дней, когда из квартиры уже доносился гнилостный запах.